

Глава 3

На завтрак были хлеб и ветчина.

«Надо же, и хлеб есть», — подумал я, беря кусок в руки. Хлеб какой-то твёрдый на вид.

— Я на работу пойду, так что сиди смирно. Из дома выходить нельзя.

Жуя хлеб, я кивнул.

Этот незнакомый мир — страшно выйти из дома и во что-нибудь вляпаться...

Интересно, кем работает дядька? Представляю себе лесоруба.

— И ещё: если кто придёт, дверь не открывай. А когда поешь — умойся и переоденься. Справишься? Одежда вон там лежит.

На каждое слово дядьки я по очереди кивал.

— В обед ненадолго вернусь. Если не вернусь — погрызи хлеб. Он здесь.

Дядька указал на корзину на кухне.

Я снова кивнул.

— Ну, я пошёл.

— Хорошего дня.

Проводив взглядом спину дядьки, я продолжал жевать хлеб.

А потом умылся, переоделся — и делать сразу стало нечего.

Ни телевизора, ни компьютера... И уроков делать не надо.

Чем бы время убить?

Рыться в комнате без спроса немного неловко, но, может, всё-таки порыться?

Подошёл к кухне. Нашёл бумагу, в которую, похоже, заворачивали овощи. Газета, что ли.

Развернул.

Прочитать-то я могу. Но есть слова, которых я не понимаю.

Наверное...

Может, мои языковые способности и знания просто напрямую отражаются на словарном запасе и понимании этого мира? Точно так же, как я не могу понять сложную научную статью, даже если она написана на японском, — слова этого мира, которые слишком трудны для моего ума, я и не понимаю: именно потому, что они трудны.

Ну и ещё, наверное, незнание обычаев этого мира сильно мешает понимать некоторые слова.

Провёл пальцем по газетным строчкам.

Как читается — знаю, а как пишется — не знаю. Есть ли тут порядок черт?

Сложил помятую газету и снова сел за стол.

Делать особенно нечего.

Вот если бы были бумага и ручка — тогда можно было бы упражняться в письме. Я не очень-то люблю учиться, но всё-таки уметь писать — это надо уметь...

Спрошу у дядьки, когда он вернётся.

Думая об этом, я уронил голову на стол и сам не заметил, как уснул.

— Пацан, эй, слышь.

Меня потрясли за плечи, и я проснулся.

За окном смеркалось. Уже совсем вечер.

— Дядька... с возвращением.

— Спать — так в постели спи. Ладно?

— Ага...

Пока я сонно мялся, дядька взъерошил мне волосы.

— Ты ж хлеб даже не поел. Чем занимался?

— ...Ничем.

Может, надо было убраться?.. Только сейчас сообразил. Вечно я поздно обо всём догадываюсь.

Дядька сегодня не готовил.

Мы съели купленный им бэнто. Там было мясо.

— Дядька, а кем ты работаешь?

— В школе подготовки рыцарей, преподаю.

Не лесоруб, значит.

— Ого. Вот как. Учителем, значит. Рыцарь...

Интересно, что такое рыцарь? Вроде полиции? Или вроде армии?

Так вот почему у дядьки следы от ранений?

— Дядька, а твои ранения — они с этим связаны?

— ...Ну, да.

Дядька стал неразговорчивым. Видимо, ему не хочется об этом говорить. Тогда не буду расспрашивать.

— Дядька, когда поешь, дай мне бумагу и ручку.

— Рисовать, что ли, будешь?

Я что, выгляжу как тот, кто будет рисовать? Не такой уж я малыш-то.

— Не-а. Буду упражняться в письме.

— Пацан, ты молодец. Ладно, я за тобой пригляжу.

— Спасибо, дядька.

Дядька научил меня порядку черт, и я почувствовал себя так, будто позанимался.

Вот так, пока мы возились, наступила уже совсем ночь. Время спать.

— Ну, детям пора баиньки.

Ах! Точно! Сегодня я должен уступить кровать. Вчера дядька спал на полу, подстелив подстилку. Мне перед ним неловко.

— Я весь день продремал, так что спать не хочется. Ночью буду бодрствовать. Так что ложись, дядька, в кровать.

Я изо всех сил вцепился в столешницу, всем видом показывая, что ложиться не собираюсь.

— Пацан, хватит стесняться.

— А я и не стесняюсь. Слова такого не знаю — «стесняться».

Пока я упрямо отказывался идти спать, дядькина рука метнулась к моему боку и принялась щекотать.

Щекотно — я, вскрикнув, отдёргнул руки от стола, и дядька тут же подхватил меня, легко, словно мешок, закинул на плечо, отнёс в спальню и плюхнул на кровать.

— Дядька, нечестно. Ты схитрил. Хитрый.

Я обиженно уставился на него, но дядька только рассмеялся и укрыл меня одеялом. А потом большой ладонью ещё и погладил по лбу.

Совсем как папа.

— Завтра у меня выходной — сходим куда-нибудь.

Пока дядька гладил меня, я задремал и сам не заметил, как уснул.

А потом наступило утро. Просыпаюсь...

Дядька, похоже, уже встал. За дверью спальни, в гостиной, чувствуется чьё-то присутствие — точнее, слышны голоса. Квартира тесная, старая, всё насквозь слышно.

— Про пацана — что-нибудь выяснил?

Собеседником дядьки оказался тот парень из полицейского поста.

— Да совсем ничего. Ни заявления о поиске, никакой информации. С учётом того, что и регистрации рождения нет, и бросили его в таком виде — практически в одном белье, — возможно, подкидыш.

...И как тот мальчик? Как себя ведёт?

Не в белье, а в футболке и шортах.

Мысленно вставил я реплику и продолжил слушать.

— Послушный, добрый мальчик, но... многого не знает. Даже горячую воду включить не умел.

— Может, ему просто не приходилось делать это самому? О нём кто-то заботился?

На предположение парня дядька вздохнул и согласился.

— Может, и так. Худенький, но не сказать чтобы истощённый. Вдруг он — ребёнок, которого тайно родила чья-нибудь дочь из важной семьи?

— Огласка была недопустима, рождение не регистрировали... А по каким-то причинам держать при себе больше не смогли и бросили?.. Если так — какая жалость.

Мне мастерски состряпали предысторию.

Ведь всё совсем не так. Может, честно признаться? Но что если мне не поверят? Решат, наверное, что это детские выдумки.

Притворюсь, будто не слышал этого разговора.

С этим решением я свернулся под одеялом, собираясь поспать ещё. Однако...

Дверь спальни открылась, и вошёл дядька.

— Пацан, уже утро.

Мол, раз трясут за плечи — надо вставать.

Я выполз из кровати, старательно изображая только что проснувшегося.

— Дядька, с добрым утром.

— О, доброе утро. А ну, закрой-ка глаза на секунду.

Дядька помял мне лицо и убрал с глаз засохшую слезу. Можно было и не до такой степени...

Совсем как с младенцем. Или нет — наверное, он считает меня несчастным ребёнком.

С негромким ворчанием я прошёл в гостиную. Там, само собой, сидел парень из полицейского поста.

— О, привет, доброе утро. Хорошо спал? Бодрый?

— Очень бодрый. И завтрак буду много есть.

— Да? Вот и славно. Тогда я пойду. Асио-сан, извините, что с самого утра.

Парень из поста сказал это и ушёл.

Видимо, приходил сообщить дядьке, что обо мне никакой информации нет, а заодно проверить, как он за мной ухаживает.

— Спасибо за работу. Извините, что причинил вам хлопоты...

<http://bllate.org/book/18074/1733882>